

день при незаметном просачивании струйки того наводнения, которое в наши дни унесло трон Романовых».

Рассказывая о своей борьбе за право, хотя и административно-ссыльного, Короленко замечает: «и до самой старости меня проводила та же репутация опасного агитатора и революционера, хотя я всю жизнь только и делал, что взывал к законности и праву для всех, указывая наиболее яркие случаи его нарушения. И, может быть, это инстинктивное отвращение людей самодержавия было основательно: около этой оси наша жизнь могла еще повернуться и стать на другой путь. Но, в конце концов, он все-таки должен был привести к упразднению самодержавия». Если понять это замечание Короленко в том смысле, что сама борьба за право, натыкаясь на препятствия, революционизировала передовые слои трудовой России и привела их на путь необходимого насилиственного переворота,—тогда это верно.

Пребывание в вышневолоцкой полит. тюрьме, история юношей революционеров Попова и Швецова, любопытная фигура крестьянина Курицина, Пермь, путь в Якутскую область; портреты революционеров-народников, хотя и очень бегло набросанные; очень интересные мысли по поводу психологии Ипполита Мышкина—этой яркой фигуры процесса 193, — все проходит перед нами в мемуарах Короленко. И, как общий вывод, замечание писателя-гражданина: «какая это была в сущности невинная стадия русской революции».

Третий том дает ценный материал и для понимания переживаний писателя, и для историка революционного движения, и очень много для характеристики различных слоев рабочей и крестьянской России.

Ив. Кубиков.

БОРИС ПИЛЬНЯК. Рассказы. Москва. Кооп.
Изд-ское Т-во «Звенья» 1919. Стр. 114.

Борис Пильняк—не новичок в литературе. Его имя мелькало, не часто, впрочем, лет восемь назад. Впечатление от его опытов, помнится, было благоприятное. Но если тогда, при первых шагах писателя, можно было колебаться в оценке его да-

рования—теперь сомнений быть не может. Перед нами большой и вполне расцветший художник, мастер с сочной кистью, с большим запасом наблюдений, колоритных и свежих. Небольшая книжка, лежащая перед нами, дает достаточный материал для такой оценки. Хотя она составлена из вещей, которые автор не считает лучшими образцами своего творчества. Все это эскизы, наброски, этюды к какой-то большой, быть-может, еще не написанной, картине, но каждый эскиз говорит о таланте, зорком глазе, внимательном слухе. Пильняку удается природа; он знает лес, понимает зверя, лесные звуки, запахи—для него раскрыта книга—и все это скжато и экспрессивно умеет он не рассказать, а показать читателю,—его страницы в самом деле цветут, звучат, дышат ароматами. Он дал несколько зарисовок отдельных эпизодов эпохи революции, и в них показал себя прежде всего художником, для которого выразительность, выпуклость, убедительность, а следовательно, и правдивость того, что изображается, стоит на первом месте. Мимоходом бросил он рассказ из петровских времен и в рассказе запечатлел исторический колорит, тот воздух и свет эпохи, без ощущения которых не может быть искусства.

Встречаются и промахи, но они пустячны, и заниматься ими не хочется. Отдельные мелкие произведения говорят о том, что Пильняк, как художник, не прошел мимо революции. Будем ждать новых вещей нашего автора. Революция еще не нашла своего достойного отражения в русской художественной прозе, за малыми исключениями. И автор этих строк несколько не будет удивлен, если впоследствии, в ряду живописцев революции, одним из первых он встретит имя Бориса Пильняка.

В. Полонский.

«ПЕРЕСВЕТ». Сборник 1-й. Борис Зайцев,
Мих. Осоргин, Ф. Сологуб, Г. Чулков,
М. Цветаева, Алекс. Яковлев. Кн-во Ва-
сильева. Москва, 1921. Стр. 115.

Книга открывается тремя стихотворениями Ф. Сологуба. Из них прекрасно первое по сочетанию красоты формы и сжатости мысли. Марина Цветаева пред-